

История интернирования и военного плена

УДК 94(47).083

А.В. Ануфриев
С.В. Трофименко

«Горький хлеб плена» (режим содержания военнопленных в Восточной Сибири в годы Первой мировой войны)

Статья посвящена особенностям режима содержания военнопленных Первой мировой войны в Восточной Сибири. На основе архивного материала авторы рисуют подробную картину жизни военнопленных, их бытовые условия, характер принудительной занятости, взаимоотношения с местными жителями.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, военнопленные, Первая мировая война, Иркутская губерния.

В ходе Первой мировой войны в российский плен попало более двух миллионов солдат и офицеров противника. По данным Генерального штаба русской армии на 1 сентября 1917 г. в лагерях на территории России находилось 1,8 млн военнопленных.

Правовой статус военнопленных регулировался Гаагской конвенцией, а в октябре 1914 г. император Николай утвердил «Положение о пленных», где предлагалось с пленными «как с законными защитниками Отечества, надлежит обращаться человеколюбиво». Определялось и содержание военнопленного – котловое довольствие пленных приравнивалось к довольствию солдата русской армии, а офицеры получали жалование соответствующее своему чину.

Первые военнопленные оказались в Сибири осенью 1914 г., после проведения успешной Галицийской наступательной операции, когда были пленены десятки тысяч воинов австро-венгерской армии. Первые этапы военнопленных размещали в европейских губерниях России. Но впоследствии, из-за наплыва военнопленных и опасности побегов, было принято решение перенести место их содержания в сибирские губернии и на Дальний Восток.

Следует отметить, что отношение военных и гражданских властей к военнопленным было дифференцировано, на особом положении находились славяне, служившие в рядах австро-венгерской армии. В России был создан «Совет попечителей о пленных славянах», который оказывал им всестороннюю помощь. В деле 1030 Ф. 600 отложился документ о снабжении пленных славян тёплой одеждой, табаком и обувью и рекомендовалось жестко контролировать этот процесс и не «допускать изъятия вещей и продуктов немецкими и австрийскими пленными». По распоряжению военных властей, чехи и словаки размещались в европейских губерниях, а немцы, австрийцы и венгры, как настроенные неблагоприятно и склонные к побегам, размещены были на Востоке страны.

В специальном циркуляре департамента полиции № 34150 (1915 г.) это было конкретизировано – «В видах ограждения находящихся у нас военнопленных славянских национальностей, дружественно относящихся к России от враждебного и часто оскорбительного отношения к ним пленных германцев, австрийских немцев и мадьяр, военным ведомством приняты меры к совершенно обособленному размещению славян» [1]. Необходимо отметить, что в статистических отчётах о военнопленных, славяне военнопленные всегда показывались отдельной строкой. Так, в «Сведениях о военнопленных низших чинах, отправленных на работы по состоянию на 1.03.1916 г.», славяне и румыны выделены отдельной строкой, соответственно 989 и 322 человек [2].

К лету 1915 г. количество пленных на территории Восточной Сибири (в пределах Иркутского военного округа) достигло цифры 200 000 человек. В 1916–1917 гг. цифра изменилась за счёт сокращения числа пленных, отправляемых в Сибирь и на Дальний Восток и перевода крупных партий военнопленных

на сельскохозяйственные работы в Европейскую часть России. Первоначально предполагалось разместить пленных в крупных населённых пунктах, имеющих свободные жилые площади (на территории военных гарнизонов), в пределах за 100-верстовой полосой от границ во избежание побегов. Вопрос о размещении военнопленных был наиболее болезненным, первоначально предполагалось, что они будут размещены изолированно в концентрационных лагерях, в основном расположенных на территории воинских городков, где освободились казармы после отправки на фронт боевых частей. Однако из-за наплыва пленных, к чему явно было не готово военное ведомство, принимается решение провести ревизию свободных помещений, в которых можно разместить военнопленных. Министр внутренних дел 22.08.1914 г. подписывает циркуляр о подготовке мест для размещения военнопленных и раненых воинов российской императорской армии. Соответствующая директива появилась и в регионах. Так, 20.09.1914 г. Забайкальское областное управление спустило в уезды циркуляр «Об обращении зданий на нужды военного ведомства», циркуляр был отправлен и в сторонние организации (Тюремную инспекцию, руководству Амурской железной дороги, Переселенческому управлению и в штаб Иркутского военного округа). В течение месяца все организации, уезды и города предоставили обоснованные расчёты. Как и следовало ожидать, наибольшее число мест предоставило военное ведомство, которое предложило разместить военнопленных в пос. Даурия (1500 чел.), пос. Песчанка и Антипиha под Читой (по 6000 чел.), пос. Берёзовка под Верхнеудинском (110 000 чел.) и в станице Сретенской (1000 чел.). Представители штаба округа сообщали что «здания для этих целей уже приспособливаются».

Тюремная инспекция предложила 3 помещения бывшей этапной тюрьмы в станице Сретенской, Амурская железная дорога – помещения площадью 1165 кв. саженей на станциях Укурей, Амазар, Уруша. В Троицкосавске было выявлено 2728 кв. саженей свободной площади для размещения такого же числа нижних чинов. Забайкальская духовная консистория предложила помещения Селенгинского Троицкого монастыря, а власти Баргузинского уезда предложили разместить военнопленных на Горячинском курорте. Управление переселения

предложило переселенческие бараки на станциях Карымской, Мысовской и Сретенске. Для размещения военнопленных в чингинском гарнизоне 20.11.1914 г. была создана особая комиссия. Главное управление Генерального штаба в свой директиве военному губернатору констатировало, что ожидается поступление «весьма значительного числа военнопленных» и что «в Иркутском округе все свободные казармы заняты военнопленными» и предлагало «срочно сообщить, какое количество и по каким казачьим станицам... возможно разместить пребывающих военнопленных». Войсковое хозяйственное правление было крайне обеспокоено данной проблемой, председатель войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска в своём донесении отмечал: «неособенная желательность расквартирования военнопленных в казачьих селениях мотивируется такими соображениями: казаков, способных носить оружие и вообще боеспособных, здесь оказывается ... немного, а за призывом запасного разряда ...их окажется очень мало. Благодаря этому, охрана военнопленных окажется менее обеспеченной» [3].

Первые эшелоны с крупными партиями военнопленных проследовали через Иркутск 29 сентября 1914 г, а первый факт следования небольшой партии зафиксирован ещё 2 августа, когда поездом № 3 проследовали через Иркутск 32 военнопленных в сопровождении офицера и 8 нижних чинов охраны [4]. Чаще всего военнопленные следовали крупными партиями. Так, 4 октября 1914 г. через станцию Иннокентьевская проследовал эшелон № 56 в составе 31 офицера и 1448 нижних чинов, с соответствующей охраной, а 18 сентября пришла телеграмма о прохождении нового эшелона в составе 72 офицеров и 1089 нижних чинов [5]. По всему пути следования местные органы полиции и особенно ГЖУ и жандармские управления на железных дорогах жёстко контролировали движения эшелонов и особенно остановки и контакты с местным населением. Контроль был предельно жёстким и регламентировалось абсолютно всё. Так, унтер-офицер ст. Михалёво обращал внимание на то, что при прибытии эшелона с военнопленными на станцию запирался общий туалет и пленные разбредались по станции, особый же туалет с надписью «Для военнопленных» (на русском языке) расположен на противоположной стороне стан-

ции и пленные не знают о его существовании [6]. По приказу начальника штаба Иркутского военного округа от 3.10.1914 г. № 15824 было «воспрещено всякое общение частных лиц с провозимыми по железной дороге военнопленными», свои меры предосторожности принял и МВД – все ГЖУ получили секретное распоряжение к военнопленным никого из посторонних не допускать, за исключением медицинского персонала для оказания помощи больным и раненым. Указания эти соблюдались не везде и не всегда, так, в циркуляре помощника командующего Иркутским военным округом отмечалось, что «военнопленные при остановке эшелона на ст. Иннокентьевской пользуются неограниченной свободой и ходят по посёлку и самой станции... общаясь с посторонней публикой» [7]. Военные власти пытались принять соответствующие меры, так, командант ст. Иннокентьевская штабс-капитан Белозёров издал приказ: «Ввиду того что прибывшие пленные ... имеют свободный доступ прохода на все станционные сооружения... обнаружено сегодня их присутствие около депо ст. Иннокентьевской. Назначить патрули из состава команды продовольственного пункта, а старшему сопровождающему пленных приказано мной никого из пленных ночью не выпускать из вагонов» [8].

В Иркутской губернии военнопленные были размещены в Иркутске (на ст. Иннокентьевская и Заиркутном военном городке) и г. Нижнеудинске. На территории Забайкальской области крупные лагеря военнопленных располагались под г. Верхнеудинск (Берёзовка), в г. Чита (пос. Песчанка и Антипиха), ст. Сретенской, г. Нерчинске и г. Троицкосавске и Кяхте, ст. Даурия, Баргузине, Мысовой, Могоче, Акше. Основной проблемой размещения военнопленных стал вопрос о помещениях для их проживания, поэтому большинство лагерей в Восточной Сибири находилось на территории военных гарнизонов. Так, в ст. Сретенской пленные были размещены в казармах 19 Сибирского стрелкового полка, а в Берёзовке (под г. Верхнеудинском) в казармах 18 Сибирского стрелкового полка. Но помещений не хватало, что было вечной проблемой начальников местных гарнизонов и органов местного самоуправления. Болезненным был вопрос размещения военнопленных, небольшие сибирские города были не в состоянии «переварить» массы пленных. Так, Читинская дума просила:

«Если в Читу будут посланы военнопленные в большом количестве, чем в прошлом году (35 тыс. человек), то население будет поставлено в крайне тяжелое положение, т. к. в настоящее время ощущается более острый недостаток продуктов, чем это было несколько месяцев назад, подвоз же продуктов стал очень затруднителен». По данным коменданта г. Читы на 9.06.1916 г. в читинском гарнизоне находилось пленных – 30 834 нижних чинов и 1038 офицеров [9].

Охрана лагерей военнопленных осуществлялась силами дружин государственного ополчения. Необходимо отметить, что отношения охраны и военнопленных были достаточно лояльными и случаи конфликтов, хотя и имели место, но были достаточно редки. Так, начальник гарнизона полковник Лемберг-Колль был «устранён от должности» за послабления режима в лагере Берёзовка [10]. Хотя были и другие факты. Так, в феврале 1916 г. в г. Чите в результате конфликта между военнопленными Германом, Цвengelем, Костером и конвоиром ратником ополчения Облогиным последний получил тяжёлое увечье, а военнопленные были осуждены за нанесение тяжких телесных повреждений [11]. Иногда чины администрации проявляли прямое попустительство военнопленным. Так, в июле 1915 г. немецкий военнопленный повар Фросс в ответ на замечание сестры милосердия А. Казачихиной о грязи в столовой, ответил руганью, а после повторного замечания побил сестру милосердия, при полном попустительстве русского военного врача Брема [12].

Контроль над жизнью военнопленных, переданных в органы местного самоуправления и частным лицам, был крайне слаб. Комендатуры городов, столкнувшись с этим, старались навести элементарный порядок. Так, комендант Читы в отношении на главу городской Думы Читы писал: «В последнее время часто наблюдаются случаи хождения по городу военнопленных, отпущенных частными лицами на работы без сопровождения и иногда в пьяном виде...» Начальник гарнизона приказал известить, «что в случае повторения подобных явлений, военнопленные будут немедленно сняты с работ и препровождены в часть». Чуть позже появился приказ по гарнизону, регламентировавший эти вопросы. Так, военнопленные не отпускаясь в город и на базар, а посещать баню могли только

в сопровождении конвоя, после 8 часов вечера они не имели права покидать казармы, а «те военнопленные, которые ходят в гражданской одежде, на правом рукаве... должны поставить на видном месте буквы В.П. белой краской размером в два вершка» [13].

Военные власти для наведения порядка были вынуждены принимать достаточно жёсткие меры, особенно по Берёзовскому лагерю. Так, 12.02.1916 г. командующий Иркутским военным округом генерал от инфантерии Я.Ф. Шкинский издал приказ № 112: «...пленные, входя в непосредственные сношения с населением пос. Берёзовка, состоящим исключительно из евреев, могут передавать через последних нелегальную корреспонденцию, а евреи могут снабжать пленных деньгами, папортами и оружием для совершения побегов. Приказываю ... принять меры к тому, чтобы военнопленные как офицеры, так и нижние чины ни в коем случае не могли отлучаться из района их расположения» [14].

Несмотря на изоляцию, военнопленные контактировали с местным населением, в делах губернского жандармского управления содержится огромный фактический материал: от донесений о контактах с проститутками и душещипательных «историй о вечной любви» и вечеринках, до материала о мнимом «распропагандировании» местного гарнизона. Так, 7 марта 1916 г. при попытке передать сверток военнопленному Ш. Шварцу была задержана крестьянка Верхнеудинского уезда Матрёна ЛинеЙцева, при расследовании выяснилось, что свёрток предназначался офицеру австро-венгерской армии Новатному, с которым ЛинеЙцева «находилась в близкой любовной связи и часто посещала его в Песчанке» [15]. В том же деле находится рапорт жандармского ротмистра Попова что: «столовую «Петроград» в городе Чите посещают в сопровождении нижних чинов охраны военнопленные, где происходит пьянство, вместе с чинами охраны» [16].

В контактах с военнопленными были замечены и довольно высокопоставленные особы. Так, начальник ГЖУ отмечал: «... квартиру вдовы генерал-майора Москвина посещали военнопленные офицеры...госпожа Москвина полька и все военнопленные офицеры поляки; не предполагая ничего противозаконного, все-таки считаю неудобным для русской женщины

входить в компрометирующие сношения с офицерами враждующих с нами государств», заканчивалось письмо предложением военному губернатору Забайкальской области «удалить названных лиц (Москвину и её сестру) из пределов Берёзовского гарнизона» [17]. В г. Чите 12 февраля была задержана Мария Стельман при попытке передать военнопленному Максиму Гейке свёрток, в котором было 4 письма, две бутылки пива, колбаса и сало, на письме рукой Гейке было написано «всё таки после войны я тебя брошу». В Троицкосавске в поле зрения жандармерии попал инженер С. Васильев, который со своей сожительницей – негритянкой Алисой Блянш «устраивает на своей квартире попойки, на которые приглашает военнопленных» [18].

Лица, замеченные в недозволительных сношениях с военнопленными, наказывались в административном порядке. Так, М. Кормильцева за «сношения с военнопленными без надлежащего разрешения» постановлением Иркутского генерал-губернатора от 30.04.1916 г. была подвергнута штрафу в размере 50 рублей, а при несостоятельности – аресту на 2 недели» [19].

Система охраны лагерей военнопленных не позволяла обеспечить достаточный уровень охраны и как следствие во второй половине 1915–1916 гг. возросло число побегов, как спонтанных, так и подготовленных. Так, начальник жандармского управления в Забайкальской области отмечал: «военнопленные врачи, пользующиеся постоянными отлучками в город без конвоиров, берут с собой своих денщиков, причём в платье последних передеваются...офицеры и добывают в городе статское платье, при содействии местных евреев, совершают побег» [20]. Аналогичная ситуация выявляется и в Иркутской губернии. Так, по донесению помощника начальника Иркутского ГЖУ в Нижнеудинском уезде ротмистра Ковальского, «военнопленные в г. Нижнеудинске ... содержатся при крайнем слабом надзоре, при чём замечено, что военнопленные принимают некоторые меры к тому, чтобы достать паспортные книжки... Пленные свободно выходят за покупками в близ находящиеся лавки при обратном возвращении осмотру не подвергаются» [21].

Следует отметить, что режим содержания военнопленных был достаточно щадящим (особенно это касалось офицерского

состава и некомбатантов противоборствующей стороны). Так, офицеры сохраняли за собой право пользоваться услугами денщиков. «Приказ № 23 от 3.03.17 г. § 1. Отправленного в Тамбов, в распоряжение Начальника местной бригады военнопленного врача Турецкой армии Хасана Шахина исключить из списков. § 2. Отправленного в Тамбов в качестве денщика с военнопленным врачом военнопленного нижнего чина австрийской армии 2-ой роты Мехмеда Двякич исключить из списков».

На основании документа можно говорить о том, что в данном случае вероисповедание военнопленного (Мехмед – турецкий вариант имени пророка Мухаммада, одного из двадцати восьми пророков, упоминаемых в Коране), а не принадлежность к армии определённого государства являлись определяющим фактором при выборе денщика.

Местная администрация старалась предоставить военнослужащим все условия как для проведения досуга, так и возможность работать за соответствующее вознаграждение. Особой заботой была окружена возможность исполнения религиозных обрядов для всех конфессий. И если для христиан (католиков и протестантов) это не составляло труда, то проведение служб для мусульман вызывало определенные сложности. Так, в фондах РГВИА выявлено прошение офицеров-мусульман лагеря Заиркутного городка: «Нижеподписавшиеся офицеры турецкой армии просят многоуважаемое русское начальство, чтобы им было разрешено принять участие в богослужении в татарской мечети в городе Иркутске в пятницу 14 апреля 1917 г...Им религия переписывает (так в тексте. – *Авт.*) в этот день молебствие в мечети». Просьба была удовлетворена, на документе есть резолюция заведующего лагерем Заиркутного городка генерал-майора Хмырова: «Отпустить под конвоем» [22].

На особом положении находились некомбатанты, особенно живущие вне лагеря. Показательна история католического священника австро-венгерской армии Карла Дрекслея, освобождённого на поруки Иркутскому декану Казимиру Ваньковскому. Начальник 716 ополченческой дружины, несущей охрану лагеря генерал-майор Насонов сообщал в Иркутское ГЖУ полковнику Балабину, что К. Дрексель «имеет огромное

влияние на пленных и оказывает крайне вредное влияние» и контактирует с иностранными делегациями. По мнению командира дружины, именно он организовал побег 5 офицеров из лагеря 26 января 1916 г. и «... распространяет слухи во вред России». ГЖУ приняло соответствующие меры – К. Дрексель был арестован и у него изъят дневник, отложившийся в деле, который содержит конспект воспоминаний. Надо сказать, это единственный документ подобного рода, выявленный на настоящий момент в фондах ГАИО, к сожалению, данный документ мало информативен, очевидно, опасаясь обыска, К. Дрексель обозначил только название подразделов (на немецком), в деле отложился и его перевод на русском языке [23]. За антиросийскую пропаганду подвергались репрессиям и строевые офицеры. Так, из Красноярского лагеря предполагалось перевести в Заиркутский городок полковника Нотая и подполковника Седлачка, которые «вели будирующую по отношению к нашему военному начальству гарнизона политику и вызывали среди офицеров лагеря враждебное отношение к русским военным властям» [24].

Серьёзных нареканий условия содержания пленных не вызывали, ни с их стороны, ни со стороны делегаций Красного Креста, однако в 600-м фонде «Губернское жандармское управления» были выявлены и жалобы на содержание в лагере (ст. Сретенская и г. Нерчинск). Военнопленные жаловались на грубое обращение охраны, несвоевременную выдачу молока и сахара, непригодность бани и редкие разрешения посещать таковую, высокие цены в лавке и отсутствие развлечений. К сожалению, в фондах ГАИО отложилось минимум документов о бытовой жизни пленных в послереволюционный период. Но подобные документы сохранились в фондах ГАЗК (Ф. 364, оп. 2, д. 2), где содержится приказ временно исполняющего обязанности начальника Сретенского гарнизона полковника Ходачинского, который после посещения лагеря военнопленных отмечал: «По списку военнопленных состоит на довольствии 656, на довольствии 163, помещение, занимаемое военнопленными – бывшая столовая 16 Сибирского полка, большое и военнопленные размещены в нем свободно, само помещение ... не соответствует своему назначению. Температура в помещении очень низкая, 6–7 градусов. Окна промёрзли, с потолка

падает вода. Вид у военнопленных здоровый, за исключением признанных комиссией инвалидами. Кухня содержится чисто, продукты хранятся опрятно. На обед был приготовлен постный суп – очень вкусный...каша тоже хороша, хлеб хорошего качества. Стоимость содержания одного военнопленного 58,9 коп. в день. В общем, содержание военнопленных удовлетворительное». Завершался приказ указанием прапорщику Лахтину (заведующему военнопленными) устранить указанные недостатки.

Любые ограничения в снабжении или ненадлежащем (по мнению военнопленных) исполнении требований вызывали жесткую реакцию военнопленных офицеров. В жалобе капитана Генриха Лейзера на имя командующего Иркутским военным округом от 19 сентября содержится следующая оценка деятельности лагерной администрации: «Не хватает мне прямо слов чтобы описать нелюдское обращение. Прошу штаб Вашего Высокопревосходительства вконец распорядиться чтобы наша судьба была сносна и человеческа... я найду средства и дорогу чтобы об этих скандальных условиях уведомить американского консула» [25]. Конфликт же возник после того, как офицеру не предоставили конвоира для посещения зубного врача в Иркутске.

Просили военнопленные и о разрешении купаться в реке Иркут и «пользоваться солнечным купанием» три раза в неделю с соблюдением «как это предусмотрено при прогулках» ряда ограничений и с обязательством надеть купальные костюмы, при этом указывая, что «несмотря на пользование речной водой, мы и дальше будем пользоваться купальней г. Короля» [26]. Самой же курьезной является просьба кадета австрийской армии Алойса Лехталлера о посещении города Иркутска: «Два года занимаюсь изучением сибирской истории, особенно Иркутска, но до сих пор я города не видел – т. к. я историк от звания, то позволение это было бы большая для меня милость». И если заведующий Заиркутным городком наложил на рапорт резолюцию «препятствий не встречаю», то вышестоящее начальство имело иное мнение: «подобное разрешение недопустимо, и я предполагал бы отказать в посещении города» [27].

Следует отметить, что большинство военнопленных составляли 20–40-летние мужчины (нижняя возрастная граница, выявленная автором, 23 года на 1918 г.), соответственно в плен попадали военнослужащие 21-летнего возраста, а верхняя граница 74 (!) года (на 16.05.1919 г.) – офицер турецкой армии Мустафа Сулейман, содержащийся в Заиркутном городке [28]. Оказавшись в вынужденной изоляции, которую особенно сложно переносили офицеры, лишённые возможности работать, военнопленные ответили массовыми побегами. Это было вполне логично – офицерский состав сохранял частичную свободу передвижения, имел свободные денежные средства для покупки поддельных документов.

Военнопленные активно привлекались по личному желанию и к работе, в том числе и за пределами лагеря. В Забайкальской области и Иркутской губернии военнопленные работали на каменоломнях (г. Чита), строительстве (курорт Ямаровка), хлебопекарне (г. Троицкосавск), угольных коях (с. Черемхово), шорно-седельных артиллерийских мастерских и Иркутском женском институте Николая Первого (Иркутск), землемерных и гидротехнических работах. За свой труд рабочие получали заработную плату, а организации и предприятия, использующие труд военнопленных, перечисляли часть денег в лагерь. Так, в Ф-64 сохранилось требование заведующего военнопленными Заиркутного военного городка о перечислении «...суммы 1803 руб. 83 коп. за рабочих военнопленных работавших у вас» [29].

Следует отметить что военнопленные, работавшие на ряде предприятий, не находились на территории лагеря, а проживали вблизи предприятия. Достаточно интересный и объёмный материал подобного рода содержится в Ф-1о ГАЗК, наиболее информативно д. 10459 «С ведомостями о числе военнопленных, находящихся на работах в Забайкальской области». В деле находятся подробные ежемесячные обзоры об использовании труда военнопленных. Военнопленные (на начало 1916 г.) работали на кожевенном заводе Андрюверова (119 чел.) и Берёзовском кирпичном заводе, Черновских коях (под Читой), участвовали в общественных работах в Чите, Верхнеудинске и Нерчинске.

В ст. Сретенской военнопленные работали на кожевенном заводе Андрюверова (на 1916 г.), им от «завода предоставлялась готовая квартира, отопление, освещение и платится за каждую шитую пару солдатских сапог 99 коп.» [30].

Столкнувшись с дефицитом рабочих рук, Совет министров Российской империи принимает решения об использовании труда военнопленных: 16 сентября 1914 г. утверждаются «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казённых и общественных работ в распоряжения заинтересованных в этом ведомств», в 1915 г. подобные правила для использования труда военнопленных в сельском хозяйстве, а затем и на частных промышленных предприятиях. Данными актами регламентировалось использование труда военнопленных «...лишь для производства дорожно-строительных и других земляных, мостильных и других работ, не требующих особых специальных познаний и подготовки. При распределении военнопленных на означенные работы, преимущество отдается работам, носящим капитальный характер и имеющим более или менее широкое общественное применение». Предлагалось назначать на работы только крупными партиями «...непрерывно на казарменном положении» и с надлежащей охраной [31].

Функции контроля над использованием труда военнопленных были возложены на Эвакуационное Управление Главного управления Генерального штаба, а с 10.11.1916 г. на Отдел эвакуационный и по заведованию военнопленными данного управления.

Однако та масса пленных, которая скопилась в Восточной Сибири, не могла быть полностью обеспечена работой на таких условиях и результатом стала отправка мелкими партиями на частные предприятия, а с 1916 г. началась отправка на сельскохозяйственные работы в Европейскую Россию (из 3994 рабочих, занятых на производстве в забайкальских лагерях, – 2834 были отправлены на сельхоз работы в Казанский военный округ) [32]. Впоследствии число это резко увеличилось. Так, на 15 октября 1916 г. на работах было занято 30 776 чел., из них 28 255 чел. находились на сельхозработах во внутренних военных округах. Более всего использовался труд военнопленных в Читинском, Берёзовском и Сретенском гарнизонах. В Чите значительная часть военнопленных была отправлена

в Казанский военный округ, часть использовалась для общественных городских работ и на Черновских копах. Так, на 15.05.1916 г. работало по городскому хозяйству, в угольных копах, в военном ведомстве, МПС и у частных лиц 1397 военнопленных читинского гарнизона. В Берёзовском гарнизоне на сельхозработах и в ведении городской управы и частных лиц находилось 211 лиц. В Сретенском гарнизоне в ведении военного ведомства и частных лиц находилось 153 чел. Менее всего использовался труд военнопленных в Нерчинском гарнизоне – 22 чел., и полностью не использовался в Даурском и Троицкосавском гарнизонах [33].

Чаще всего военнопленные стремились на работы, это давало возможность выйти из лагеря и заработать хоть какие-то деньги, имели место и конфликты. Так, военнопленные, работавшие на каменоломнях под Читой, недовольные условиями труда и заработками, объявили забастовку, потребовав сменить переводчика команды Чикаша, «который поддерживал интересы города», жаловались они и на запальщика Суракова: «Всегда грозит тем, что поставит на 2 часа стоять смирно и будет сажать под арест».

Конфликт был потушен, в деле сохранилось объяснение подрядчика Гладштейна, который отвергал все обвинения в свой адрес и утверждал, что военнопленные не имеют поводов для недовольств (обеспечены тёплой одеждой и обувью и зарабатывают от 3 до 6 рублей за две недели).

Иногда военнопленные самовольно покидали места работы. Так, 14 июля 1917 г. бежали 4 военнопленных со строительства дороги на курорт Ямаровка, которые вернулись в «родной» лагерь в Нижнюю Берёзовку, заявив «что лучше сидеть там в карцере, нежели работать у такого подрядчика». В ходе следствия выяснилось, что подрядчик заставлял работать их с 6 утра до 12 дня и с 2 дня до 6 часов вечера, не платил жалованья, «ходили босые и оборванные». Жили впроголодь, а на просьбы пленных подрядчик Агламазов заявил: «У вас в Германии и Австрии есть нечего, следовательно, вас здесь кормить не стоит» [34]. Бывало, что дискуссия о использовании труда военнопленных выплёскивалась и на страницы газет. Так, в «Забайкальской нови» от 16.12.1916 г. появилась статья «Военнопленные и водокачка», где автор утверждал, что

военнопленный занимает распорядительную должность и подспудно задавался вопрос: «А что он может сделать с городской водой?» [35].

Попечение над военнопленными осуществляли как органы Красного Креста, так и представители посольств и консульств нейтральных государств. Так, в Ф-25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора» выявлен документ о разрешении внештатному вице-консулу в Омске Вадстеду «принять на себя попечение об интересах, водворенных в пределах края германских подданных» [36]. До вступления в войну США подданные этой страны также осуществляли попечения над военнопленными. Так, сотрудник посольства Герберт Перс в течение весны 1915 г. посетил лагеря военнопленных в Западной и Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, «...в сопровождении чинов администрации и без права производить фотографические снимки» [37].

Деятельность делегаций Красного Креста находилась под неусыпным вниманием Иркутского ГЖУ. Особое внимание привлекла миссия американского Красного Креста, прибывшая в конце декабря 1915 г., в реальности сформированная в Берлине, где большинство медицинских сестер были немками. ГЖУ потребовало сократить сроки её пребывания и «...для непосредственного участия в деле лечения военнопленных допускать (их) не должно...» Отслеживались и контакты членов миссии с пленными. Это было продиктовано тем, что, по мнению русского Генерального штаба, миссии собирали сведения о «...способности к продолжительной борьбе наших боевых сил, духе армии и народа и настроения». Жестко отслеживалась переписка миссии и в случае необходимости, проводилась оперативная разработка её членов. Под контролем и неусыпным наблюдением ГЖУ находились и члены делегаций. Интерес вызвал делегат датской миссии Отто Фогель, в ходе проверки выяснилось, что до войны он проживал на ст. Сретенской и работал пивоваром на заводе Шустова. Представители ГЖУ отмечали: «обращает внимания крайними симпатиями, оказанием различных услуг пленным офицерам», а если добавить поездку за границу, то получается буквально портрет шпиона. В результате О. Фогель был взят в оперативную обработку и под особый контроль.

Неусыпное наблюдение замечали и сами делегаты. Так, в деле сохранился рапорт филера, опекавшего шведского подданного Карла-Георга Раша, что при выходе из гостиницы Раш сказал немецкому доктору Швальбе: «Как бы нас сыщики не заметили». И он был прав, потому что с момента появления на территории России, по распоряжению товарища министра МВД Белецкого над ним было установлено негласное наблюдение [38].

Подводя общий итог, стоит отметить, что и центральная власть и местная администрация старались соблюсти по мере возможности международно-правовые акты, регламентирующие содержание военнопленных. Отдельные эксцессы, конечно, имели место быть, но принципиальной роли не играли. Стоит согласиться с мнением командующего 718 пешей Астраханской дружины, отвечавшего на очередную жалобу военнопленных: «Вообще же, как я предполагаю, жалобы с их стороны возникают более от нечего не деланья и желания большей свободы» [39].

В силу специфики размещения на территории военных городков, массового контакта военнопленных и местного населения не было, по крайней мере, до активного использования военнопленных на различных работах, особенно в 1916–1917 гг. Система охраны была крайне примитивной и не могла предотвратить побег, которые особенно усилились на рубеже 1916–1917 гг. В целом режим содержания военнопленных на территории Восточной Сибири можно охарактеризовать как достаточно мягкий и либеральный и проследить постепенное его ослабление к 1917 г.

Список источников

1. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 50.
2. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10459. Л. 27.
3. ГАЗК. Ф. 56. Оп. 10. Д. 9. Л. 7–187.
4. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 501.
5. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 526, 530.
6. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 980.
7. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813.
8. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 545.
9. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 166–168.
10. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 1.
11. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 195.
12. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 268.
13. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 19, 47.

14. ГАЗК. Ф. 56. Оп. 10. Д. 23. Л. 47–48.
15. ГАИО. Ф. 600. Оп.1. Д. 1262. Л. 67.
16. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1262. Л. 103.
17. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1262. Л. 164.
18. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 529.
19. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 238.
20. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1262. Л. 100–101.
21. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1028. Л.1.
22. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 115. Д. 48. Л. 2.
23. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1030. Л. 13–15.
24. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 51. Л. 151–151 об.
25. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 74 об.
26. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 115.
27. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 120.
28. ГАИО. Ф. 780. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
29. ГАИО. Ф. 64. Оп 2. Д. 55. Л. 11.
30. ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10459. Л. 10.
31. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 77.
32. ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10459. Л. 27.
33. ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10459. Л. 810.
34. ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10249. Л. 247–248.
35. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 943. Л. 292.
36. ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 114. Л. 1.
37. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 1006.
38. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 813. Л. 405–409.
39. РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 59 об. – 60.

УДК 94(47).084

С.И. Кузнецов

Проявления протеста в лагерях японских военнопленных на территории СССР (1945–1956 гг.)

Аннотация. Статья посвящена истории организации открытых протестов японских военнопленных в лагерях на территории Советского Союза в 1945–1956 гг. Автор приходит к выводу, что условия содержания военнопленных в лагерях на территории СССР, безысходность и отсутствие ясных перспектив толкали военнопленных к разным формам протеста: саботажу, отказу от работы, побегам, членовредительству и т. д. При этом протест японцев был менее активным и массовым в сравнении с военнопленными других национальностей.